

**«Громокипящий
кубок»
Игоря
Северянина**

Пускай критический каноник
Меня не тянет в свой закон, —
Ведь я лирический ироник:
Ирония — вот мой канон.

Игорь Северянин, 1918

В 1975 году «в стол», исключительно для себя, я написал небольшой этюд об Игоре Северянине. А спустя 20 лет вернулся к теме любимого поэта моей юности. И возник вопрос: что делать с первоначальным наброском? В порядке эксперимента отдаю его на суд читателей. Набросок — как прелюдия, как увертюра, а затем уже рассказ более обстоятельный и более информативный.

Поэза жизни

— Игорь Северянин? Это тот, который рекламировал «Ананасы в шампанском» и «Мороженое из сирени»?

— Да, тот... А почему бы нет? «Удивительно вкусно, искристо и остро...» Вас это возмущает? Вы не любите смешения стилей? Вы за умеренность и порядок? У вас не кишит кровь и вам не хочется все попробовать и все изведать? Понюхать, пощупать, пожевать? А Северянин хотел. Он был

молод. Полон сил и энергии. Обладал талантом поэта и был честолюбив.

Начало XX века. Петербург. Новая эпоха будоражит воображение.

Стрекот аэропланов! Бёги автомобилей!
Ветропрóсвист экспрессов! Крылолёт буеров!..

Машины, пришедшие из былин и сказок. Невиданные скорости. Соединение континентов и экзотических стран. Преображение всех форм жизни. Разве можно было передать стремительный темп и удивительный аромат всей этой новизны старыми, истертыми и замусоленными словами и рифмами? Конечно, нет!

Сверкните, мысли! Рассмейтесь, грезы!
Пусть пускайся, муза, в экстазный пляс!

Северянин — это дитя нового времени. Он, как ребенок, тянется к механическим игрушкам, ко всему тому, что способно мчаться и блестеть на солнце. Отсюда — «резинový макинтош», «бензиновое ландолетто», «моторный лимузин»...

Я в комфортабельной карете, на эллиптических рессорах,
Люблю заехать в златополдень на чашку чая в женоклуб...

Его фантазии фантастичны! Но следует признать, что он был и провидцем. Он не знал, но предчувствовал:

Из Москвы — в Нагасаки, из Нью-Йорка —
на Марс!..

Ах, как он был молод! Как бушевала в нем плоть! Эпикуреец. Гаер. Прожигатель жизни... Как истинный гедонист, Игорь Северянин ценил только наслаждения. Только они, эти альковные забавы и утехы, служили ему альфой и омегой бытия,

Оттого, что груди женские
Тут не груди, а дюшесс...

Щедро одаренный умением наслаждаться жизнью, он готов поделиться этим своим талантом с каждым. Его советы точны, как расписание железнодорожных экспрессов:

Вонзите штопор в упругость пробки, –
И взоры женщин не будут робки!..
Да, взоры женщин не будут робки,
И к знойной страсти завьются тропки...

Северянин ненавидел сытое и довольное мещанство. Он сознательно его эпатировал, раздражал, дразнил своими эротико-машинными поэмами. Он раскрывал скобки тайных влечений и слишком дерзостно размахивал куском красной материи, этот тореадор русской поэзии:

..явный вызов
Условностям – в моих стихах
И ряд изысканных сюрпризов
В капризничаящих словах.

По мере того как Северянин становился мэтром, он все более раздувал огонь своего «эго», утончал свой вкус, рафинировал желания. И очень хотел раздвинуть рамки своей популярности, чтобы его понимали не только столичные салоны, но и провинция, не только петербургские курсистки, но и барышни-крестьянки.

Пора популяризировать изыски,
Утончиться вкусам народа.

Северянин грезил наяву. Ему казалось, что поэзия открывает не известные никому доселе сады наслаждения и что она способна дать ключи от счастья (подобные ключи уже предлагала писательница Вербицкая, Северянин в юбке):

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грёзофарс...

Он шел по жизни (точнее, по дорогам поэзии), творя «чаруйную поэму»:

Я повсеградно оэкранен!
Я повсесердно утвержден!

Чтобы избежать пресыщенности, поэт жаждал извращающей пикантности:

Котик милый, деточка! встань скорей на цыпочки:
Алы-губы-цветики жарко протяни...
В грязной репутации хорошенько выпачкай
Имя светозарное гения в тени!..

Успех связывает по рукам и ногам. Северянин был кумиром толпы, а следовательно, от нее зависел. Он вынужден был подчиняться ее прихотям, быть сладкозвучным выразителем ее грез.

Фокстрот, кинематограф и лото –
Вот, вот куда людская мчится стая!
А между тем душа его простая,
Как день весны! Но это знает кто?

Нет, то, что творилось внутри, в душе поэта, толпу не интересовало. И чем дальше Северянин был верен вкусам публики, чем больше бросал к ее ногам свои миньонеты, триолеты и гирлянды, тем больше становился пленником собственной славы, заложником шоколадно-галантерейной поэзии. И она постепенно начала тяготить поэта. Шумовые эффекты электрических стихов действовали на нервы. Северянину захотелось покоя и тишины (мальчик наигрался?..).

Потянуло на простор, поближе к природе.

Влекусь рекой, цвету сиренью,
Пылаю солнцем, льюсь луной,
Мечусь костром, беззвучу тенью
И вею бабочкой цветной.

Я стыну льдом, волную сфинксом,
Порхаю снегом, сплю скалой,
Бегу оленем к дебрям финским,
Свищу безудержной стрелой...

И вообще хочется того, чего нет:

В деревне хочется столицы...
В столице хочется глуши...
И всюду чуждые лица
Без человеческой души...

И еще одно обстоятельство: возраст. Годы летят. И происходит естественная переоценка ценностей. Поэта уже не забавляют моторы. Он избегает шума и не обманывает себя очередными надеждами:

Ах, в каждой «фее» искал я фею
Когда-то раньше. Теперь не то...

Он весь на распутье: между нежностью и дерзостью, мятежом и покоем. Куда идти? Где преклонить голову?

Я жил все годы как-нибудь,
Как приходилось, без отчета...
Я тяготился отчего-то,
Себя стараясь обмануть.
Халатность это или лень —
Я не задумывался много
И, положась на милость Бога,
Все верил в поворотный день, —

писал Северянин в мае 1915 года.

Поворотный день наступил через два с половиной года, когда красный конь революции на бешеном скаку выбросил из седла всадника с тонким, нервным, вытянутым в рюмочку лицом.

Революция застала Северянина в Эстонии, в местечке Тойла. Поэту шел 31-й год. После Петербурга было непривычно тихо и пусто. Впервые поэт задумался о своей личной и литературной судьбе:

В белой лодке с синими бортами
В забытых чарующих озерах
Я весь день наедине с мечтами,
Неуловленной строфой пронзен.

Поплавок, готовый кануть в воду,
Надо мной часами ворожит.
Ах, чего бы только я не отдал,
Чтобы так текла и дальше жизнь!

Чтобы загорались вновь и гасли
Краски в небе, строфы — в голове...
Говоря по совести, я счастлив,
Как изверившийся человек.

Я постиг тщету за эти годы.
Что осталось, знать желаешь ты?
Поплавок, готовый кануть в воду,
И стихи — в бездонность пустоты...

Ничего здесь никому не нужно,
Потому что ничего и нет
В жизни, перед смертью безоружной,
Протекающей как бы во сне...

Стихотворение «В забытьи» было написано в 1926 году. В тот год Северянин написал много удивительно обнаженных в своей пронзительной тоске и печали строк. Явно несеверянинских стихов. Да и жизнь была совсем иная. Без толпы. Без салонов и ресторанов. В глухом заброшенном углу. Почти без средств к существованию. Что там было? Озера. Но «вода примиряющая» могла успокоить на миг, на два, а потом... От неустройства, от тоски и боли никуда нельзя было спрятаться. Король давно заложил свою горностаевую мантию. Казна была пуста. А страна поэзии разорена и опустошена.

Я растратил свой дар — мне врученное Богом наследство, —
Обнищал, приутих и душою расхищенной пуст.

Жизнь стремительно неслась под откос. Имя поэта немолимо погружалось в темную пучину забвения. На смену искрящейся и бурлящей молодости пришла усталость лет, ограниченность движений и тревожные симптомы старости.

Стареющий поэт... Два слова — два понятия.
Есть в первом от зимы. Второе — всё весна...

И хотя поэт уговаривает себя, принимая сильнодействующие поэтические наркотики — «Познал восторг — познай страданье!» — ему все труднее и труднее бороться с материальными невзгодами, душевной опустошенностью и с физическим нездоровьем. Отчаянье все туже стягивает веревку на шее:

Чего-то нет на этом свете,
Что мне сказало бы: «Живи!..»

В довершение всех бед Северянина одолевает ностальгия, тоска по родным пажитям, усиленная тем, что ему никак не удастся приспособиться к жизни в изгнании.

Я сделал опыт. Он печален.
Чужой останется чужим...

«Здесь в горле застревает горький хлеб», — пишет Северянин в стихотворении «Наболевшее...». Оно написано 26 октября 1939 года. До роковой черты оставалось брести два года.

Поэт мечтает о том, что приедет на родину и попросит у своего покровителя (хозяина или мецената) машину: «...А вечером поехали в Москву и дальше».

Но война перекрыла все дороги. Путь к России был отрезан. Не в бенгальском огне поэзии, а в смертоносном огне орудий и в пламени бомб горела живая трава земли. Альманах со стихами Северянина, одобренный и принятый в производство (четкие, почти классические стихи о музыке и композиторах), был обращен в пепел вместе со зданием издательства при первых бомбежках Ленинграда.

Но о сгоревших стихах Игорь Северянин, к его счастью, не узнал. Он умер 20 декабря 1941 года, в возрасте 54 лет, больной и забытый. Его похоронили в Таллинне, на общем кладбище. На камне выбито двустипшие:

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

Будь моя воля, я предложил бы другие строки Игоря Северянина:

Все прошло, как все проходит...

Последний надрывный звук сорвался со «златолиры», устремился вверх и навеки исчез в черных далах Вселенной. На столе осталась чаша. Некогда «громокипящий кубок» безжизнен и пуст... Все прошло, как все проходит...

16–22 сентября 1975

Родители. Юность

Ну а теперь вернемся к началу. Игорь Васильевич Лотарев (Северянин — псевдоним) родился 4(16) мая 1887 года в Петербурге. «Родился я, как все, случайно...» — пишет Северянин.

Отец — Василий Лотарев. Мать — Наталия Шеншина из дворянского рода, к которому принадлежал Фет. Впрочем, о своем детстве и о родителях пишет сам Северянин:

Отец мой, офицер саперный,
Был из владимирских мещан.
Он светлый ум имел бесспорный,
Немало в духе англичан...

А мать моя была курянка,
Из рода древнего дворянка,
Причем до двадцати двух лет
Не знала вовсе в кухню след...

Достаточно обеспеченное детство было омрачено разводом родителей.

Мелькали девять лет, как строфы
В романе, наших дач ряды —
Все эти Стрельни, Петергофы,
Их павильоны и пруды...

Но прощай, Петербург! Отец увозит сына в Череповец, где тот оканчивает 4 класса реального училища. Далее с отцом он попадает на Дальний Восток. Затем возвращается к матери в Гатчину.

У подножия горы «Успех». И на ее вершине

Творчество? Вот что пишет сам Северянин: «Мне не было еще девяти лет, когда, живя в Петербурге, я стал писать стихи. Отлично помню первое свое стихотворение, включенное мною, как курьез, в приготовленный для полного собрания сочинений — восьмой — том детских и юношеских моих произведений — «Ручьи в лилиях»:

Вот и звезда золотая
Вышла на небо сиять.
Звездочка, верно, не знает,
Что ей не долго блистать.
Так же и девица красна:
Выйдет на волю гулять.
Вдруг молодец подъезжает —
И воли ей не видать...»

Банально? Трафаретно? Об этом твердо сказал и сам Северянин. Но постепенно его вкус выправился — не без влияния классического искусства, особенно оперного. Северянин — завсегдатай Мариинского театра. Позднее он признается: «Да, я люблю композиторов самых различных: и неврастеническую музыку Чайковского, и изысканнейшую эпичность Римского-Корсакова, и божественную торжественность Вагнера, и поэтическую грацию Амбруаза Тома, и волнистость Леонкавалло, и нервное кружево Массне, и жуткий фатализм Пуччини, и бриллиантовую веселость Россини, и глубокую сложность Мейербера, и — сколько могло бы быть этих «и»!»

Увлечение музыкой обусловило мелодичность его поэзии. Прочитайте, к примеру, еще раз такие известные строки:

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж...

Правда строки не читаются, а поются? Прослеживается совершенно четкая музыкальная ритмика строк.

«Это было у моря...» написано в феврале 1910 года. А первые опысы Северянина появились в журнале «Досуг и вре-

мя» в 1905 году. Затем в течение последующих семи лет он печатает свои стихи отдельными брошюрками за свой счет (мужайтесь, современные пииты: и Северянин тоже издавался за собственные деньги!). Некоторые стихи он подписывал так: Северянин-Шеншин-Лотарев. Одно из стихотворений, «Гибель “Рюрика”», посвященное событиям русско-японской войны, было замечено критиками. Но подлинная известность пришла через скандал — через случайность.

Аккурат 12 января 1910 года стихотворение 22-летнего Северянина «Хабанера II» («Вонзите штопор в упругость пробки...») попало на глаза великому старцу Льву Николаевичу Толстому. Он взвился: вопиющая пошлость! Он, великий моралист, в «Крейцеровой сонате» проповедовал воздержанность от пагубы любовной страсти, а тут какой-то не ведомый никому Игорь Северянин открыто призывает бог знает к чему!..

Произошел скандал. «Об этом мгновенно всех оповестили московские газетчики... после чего всероссийская пресса подняла вой и дикое улюлюканье, чем и сделала меня известным на всю страну! — отмечал в воспоминаниях Игорь Северянин. — С тех пор каждая моя новая брошюра тщательно комментировалась критикой на все лады и с легкой руки Толстого, хвалившего жалкого Ратгауза в эпоху Фофанова, меня стали бранить все, кому не было лень. Журналы стали печатать охотно мои стихи, устроители благотворительных вечеров усиленно приглашали принять в них — в вечерах, а может быть, и в благотворителях — участие...»

Лев Толстой обругал, а Валерий Брюсов поддержал молодого поэта. Брюсов в 1911 году написал хвалебную рецензию на сборник Северянина «Электрические стихи», смысл рецензии: не пропустите талант. В 1913 году вышел сборник «Громокипящий кубок» с предисловием другого маститого поэта Серебряного века — Федора Сологуба. «Одно из сладчайших утешений жизни — поэзия свободная, легкий, радостный дар небес, — отмечал Сологуб. — Появление поэта радует, и когда возникает новый поэт, душа бывает взволнованна, как взволнованна бывает она приходом весны...»

Сравнение с приходом весны не случайно. В молодом Северянине действительно было что-то от ликующего пробуждения природы.

Душа поет и рвется в поле,
Я всех чужих зову на «ты»...
Какой простор! Какая воля!
Какие песни и цветы!.. —

писал Северянин в стихотворении «Весенний день» (апрель 1911).

Итак, на сцене российской поэзии появился еще один новый поэт — Игорь Северянин.

Элегантная коляска, в электрическом биенье,
Эластично шелестела по шоссевному песку...

Северянин с интуитивной гениальностью уловил суть момента: читающая публика устала от бесполох символистов, от неврастенично-болезненных декадентов, от витиевато-заумных модернистов. Набирающий силу буржуазный бомонд хотел здоровых развлечений с изрядной дозой пряного эротизма — и Северянин все это преподносил в лучшем виде. Сымровизировал блестяще. Да еще при этом проявил незаурядную лингвистическую выдумку. В стихах его замелькали «мечты-сюрпризерки», «чаруйная быль», «златополдень». Посыпались как из рога изобилия необычные словосочетания и неологизмы: «засентябреет желтополье», «все тщетно. Явно обесцелено»... Мотыльки у него «золотисто жемчужатся», кусты с весною «зачерешутся, засиренятся» и т. д.

Конечно, в стихах Северянина проскальзывает (а вернее, он это специально выпячивает) много аксессуарно-бытового, парфюмерно-галантерейного, шоколадно-шампанского, недаром Зинаида Гиппиус презрительно бросила в его адрес: «Так, прирожденный коммивояжер». Гиппиус, одна из ярких противниц Северянина, критикуя Брюсова, писала: «Брюсовская обезьяна народилась в виде Игоря Северянина... Чего у Брюсова запрятано, умно и тщательно заперто за семью замками, то Игорь Северянин во все стороны как раз и расшлепывает. Он ведь специально и создан для раскрытия брюсовских тайн. Огулом презирает современников...»

Рафинированная эстетка Гиппиус не приняла поэзию Северянина. Она почувствовала в ней явное заигрыванье с читателями и издевку над ними же. Зинаида Гиппиус не при-

няла — ну и что с того? А публика приняла Северянина и полюбила. Он стал кумиром толпы. Его слава длилась примерно 5 лет, с 1913 по 1918 год.

27 февраля 1918 года в Москве на поэзовечере в Политехническом музее состоялись «выборы» короля поэзии. Им стал Игорь Северянин, опередивший двух основных конкурентов — Бальмонта и Маяковского. После избрания тут же последовал «Рескрипт короля»:

Отныне плащ мой фиолетов,
Берета бархат в серебре:
Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре.

Меня не любят корифеи —
Им неудобен мой талант:
Им изменили лесофеи
И больше не плетут гирлянд.

Лишь мне восторг и поклоненье
И славы прятный фимиам,
Моим — любовь и песнопенья! —
Недосыгаемым стихам...

Разумеется, поза. Разумеется, игра. Но игра хорошая, светлая: «Я избран королем поэтов, — да будет подданным светло!»

«Эго» и «кубо»

Умница Северянин понимал, что мало писать звонкие стихи, надо еще под них подвести какую-то теоретическую базу, придумать новое литературное течение. И он провозгласил эгофутуризм, причем опередил в своем открытии кубофутуристов — Маяковского, Бурлюка, Хлебникова и Крученых. Кстати, Давид Бурлюк еще до провозглашения футуризма заметил Игоря Северянина: «От него пахло не только льдистой свежестью острого морозного взрыва бодрого таланта, но и новым задором, неведомым доселе» (Д. Бурлюк. «Фрагменты из воспоминаний футуриста»).

Между эгофутуризмом и кубофутуризмом был ряд различий, одно из принципиальных — отношение к классическому наследию. Кубофутуристы хотели выбросить за борт современности всех гениев прошлого, включая Пушкина и Лермонтова. На что Северянин однажды в сердцах воскликнул: «Не Лермонтова с парохода, а Бурлюков — на Сахалин!» При всех своих эгофутуристических загибах Северянин не только уважал классику, но и сам тяготел к ней.

Был период, когда «эго» и «кубо» объединились и совершили поездку по Крыму. Организовал и субсидировал поездку купец из Симферополя Владимир Сидоров.

О том, как «футурили» поэты, красочно рассказывает в своих воспоминаниях Давид Бурлюк: «...Близился рассвет. Я вошел в залу дома помещика Сидорова. Лакей сказал, что «все» уехали встречать меня на вокзал. Среди стола, заваленного хрусталем, бесчисленными батареями южных вин, прозрачных бокалов, где шампанское смешивало свои золотистые искры с зеленью первых искорок рассвета сквозь тюль занавесок, сквозь рефлексы бронзы и серебра, случайно зароненные в их цветковые тела, царило ожидание. Большой зал еще полон был горячим дыханием участников оргии, при трепете нескольких умирающих свечей, еще как бы туманились обнаженные женские плечи, полуоткрытая грудь рвалась из темницы душного корсета, на розовых лепестках уст румянился сладостно не то сироп тонкого ликера, не то бутон смятого поцелуя...»

Все по Северянину: «О лилия ликеров, — о «Crème de Violette!»

А вот что пишет в воспоминаниях сам Игорь Северянин об этой поездке и дружбе с Маяковским:

«До Симферополя из Москвы мы ехали с Володей вдвоем. Сидели большей частью в вагоне-ресторане и бесконечно беседовали за стаканом красного вина.

Остановились вначале у Сидорова, потом перекочевали в отель, счета в котором оплачивал купчик. Жили в одном номере — я и В. В. Он любил, помню, спать нагим под одеялом. По утрам я требовал в номер самовар, булочки, масло. В. В. меня сразу же «пристыдил»:

— Чего ты стесняешься? Требуй заморозить бутылку, требуй коньяк, икру и прочее. Помни, что не мы разоряем Сидорова, а он нас: мы ему даем своими именами значи-

тельно больше, чем он нам своими купецкими деньгами.

Я слушал В. В., с ним согласный. Однажды все же купчик не выдержал взятой на себя роли мецената и, стесняясь и краснея, робко указал нам на крупный счет. И тогда Володю прорвало: чего только он не наговорил Сидорову!..

Почти ежевечерне мы пили шампанское в «Бристоле». Наши вечера скрашивала некая гречанка Людмила Керем, интеллигентная маленькая шатенка, и кафешантанная певица Британова, милая и приличная. Пивали обыкновенно по шести бутылок, закусывая жженым миндалем с солью...»

Вот так проводили время поэты-футуристы после громких своих выступлений и концертов.

Однако честолюбивый и амбициозный Маяковский не захотел делить поровну футуристическую славу с Северяниным, и их дороги разошлись.

Как пишет Северянин: «Полному объединению «Эго» и «Кубо» всегда мешали и внешние признаки вроде цветных одежд и белизны на щеках. Если бы не эта деталь, мыслили бы футуризм воедино под девизом «вселенского» (мой «Эго» назывался «вселенским»). Никаких ссор между мною и Володею не бывало: бывали лишь временные расхождения. Никто из нас не желал уступать друг другу: «Молодозелено»... Жаль!»

В 1918 году, когда Северянина провозгласили «королем поэтов», Маяковский очень обиделся. Их отношения испортились окончательно. Но Северянин сохранил к Маяковскому приятное чувство союзничества и дружбы и очень огорчился, когда узнал о его гибели. В архивах Северянина хранится стихотворение, которое начинается словами:

Мой друг, Владимир Маяковский,
В былые годы озорник,
Дразнить толпу любил чертовски,
Показывая ей язык...

Ну и дальше ностальгическое:

Володя! Помнишь горы Крыма
И скукой скорченную Керчь?..

И далее:

Ты помнишь нашу Валентину,
Что чуть не стала лишь моей?!
Благодаря тебе я вынул
Из сердца «девушку из фей»...
И, наконец, ты помнишь Сонку,
Почти мою, совсем твою,
Такую шалую девчонку,
Такую нежную змею?..

Женщины. Любовь. Стихи

Струятся взоры... Лукавят серьги...

И. Северянин. Хабанера III

Сонка — это София Шамардина. «Почти моя, совсем твоя». Выходит, у Северянина и Маяковского была женщина, которую они как-то делили, — интересно!

Северянин — не Бальмонт, не гигант любви, но все же, все же... Однако не будем ничего выдумывать, а обратимся к стихотворным воспоминаниям поэта: он был человеком скрупулезным и сам фиксировал на бумаге все проявления своих любовных чувств.

Мне было пять, когда в гостиной
С Аделаидой Константиновой,
Которой было тридцать пять,
Я, встретясь в первый раз, влюбился...

С нее ведет начало школа
Моих бесчисленных побед
И ровно столько женских бед...

Далее Череповец. Северянин — гимназист.

О горничной, блондинке Сане,
Мечтаю я по вечерам,
Когда волнующей походкой
Идет мне стлать постель она, —
Мне мнится: в комнату весна
Врывается...

И о ней же:

Смеется взрывчато-ракетно...

По-современному сказано! При жизни Северянина ракеты были фейерверочные, а ныне космические...

Однако вернемся в сад Любви, в «темные аллеи» (у каждого из нас свой сад и свои аллеи).

Юношеские страдания — влюбленность в кузину Лилю: «О лильчатая Лиля, восторга пламенный поток!» Страдания, потому что, во-первых, родство, а во-вторых, появился третий — Виктор Журов.

Как знать: любил ли Витя Лилю?

Но Лиля — Витю... может быть!..

Кузина Лиля решительно обрубилa все притязания кузена Игоря:

И, подойдя ко мне, устами
Жар охлаждает мой она,
Меня в чело целуя нежно,
По-сестрински, и я навзрыд
Рыдаю: рай навек закрыт
И жизнь отныне безнадежна...

Однако отчаянье отчаяньем, а Северянин знал и предчувствовал: «Любовь и слава — впереди!» И точно, к 25 годам он — модный поэт, кумир толпы:

Уже меня рисует Сорин,
Чуковский пишет фельетон...
Меня усиленно зовут
Читать им там, читать им тут...

Ну а раз популярность, то неизменный эскорт поклонников и поклонниц.

Этот день!.. С него — начало. Телефоны и открытки.
К начинаньям поэтессы я был очень милосерд.
И когда уже ты стала кандидаткой в фаворитки,
Ты меня сопровождала ежедневно на концерт.

Это из маленькой поэмы (или поэзы) «Валентина» (март 1914).

Как выглядел Северянин? Бронислава Погорелова вспоминает: «Запомнилось посещение Игоря Северянина. Высокий, дородный, несмотря на молодость, он держал голову с подчеркнутой самоуверенностью и произносил свои «поэзы» певучим, громким языком».

Она на пальчики привстала
И подарила губы мне.
Я целовал ее устало
В сырой осенней тишине.

И слезы капали беззвучно
В сырой осенней тишине.
Гас скучный день — и было скучно,
Как все, что только не во сне.

Сама по себе лирическая миниатюра прекрасна, но содержание... Герой — этакий байронизированный Дон-Жуан, разочарованный и скучающий. Был ли таким на самом деле Северянин? Вряд ли. Играл и принимал позы — точно, но не более того. Гризерки «в шумном платье муаровом», «каретка куртизанки» и прочие фигуры угарной жизни бы-

ли скорее частью фантазий поэта. А реальная жизнь, быт были иными. София Шамардина вспоминает:

*Игорь Северянин.
Редкий портрет*

«Осенью 1913 года в Петербурге я зашла к Северянину. Он подарил мне свой «Громокипящий кубок». На поэзоконцертах его бывала редко, но домой к нему заходила. Было довольно грустно от грустного лица жены, от вздохов матери. Иногда плакал ребенок. И мать, и жена с ребенком, когда у Северянина кто-нибудь был, сидели в соседней комнате. Входить им в комнату Игоря было нельзя...»

Итак, жена, ребенок, еще Сонка (София Шамардина). И не только она.

В записях Северянина можно прочитать: «Когда мы с Володей жили в Симферополе (отель «Лондонский». — Ю. Б.), Валентина Ивановна Гадзевич (поэтесса Валентина Солнцева. — Ю. Б.), служащая Петербургского медицинского института, прислала мне из Тамбова телеграмму, что родители согласны на наш брак. Я был увлечен и готов был «осузржиться». В. В. долго тщетно меня отговаривал. Наконец он признался, что девица завлекала и его и даже обнажалась перед ним. Я верил его каждому слову и потому порвал с нею. Володя был верным другом».

Кстати, «Володя» Маяковский и других отговаривал, да и сам так и не «осузржился». Он приговорил себя к одной женщине — Лиле Брик. У Северянина одной такой единственной не было. Были отдельные экстазные и вуалетные дамы, как выражалась Зинаида Гиппиус. Увлечения. Интрижки. Хотя Северянин и понимал, что

Страсть без любви — лишь похоть,
а не страсть.
Любовь без страсти просто безлюбовье...

Ах, эта любовь. Большая. Великая. Всепобеждающая.

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада —
И что эта отрада — в любви...

Он искал эту отраду (поэт без любви — не поэт), но, не находя ее, довольствовался осколками любовных чувств. Когда все отгорело и отпылало, Северянин попытался сформулировать этот вечный поиск любви. В стихотворении 1927 года он писал:

Любовь — беспричинность. Бессмысленность даже, пожалуй.
Любить ли за что-нибудь? Любится — вот и люблю.
Любовь уподоблена тройке взбешенной и шалой,
Стремящей меня к отплывающему кораблю.

Куда? Ах, неважно. Мне нравятся рейсы без цели.
Цветенье магнолий... Блуждающий, может быть, лед...
Лети, моя тройка, летучей дорогой метели
Туда, где корабль свой волнистый готовит полет!

Топчи, моя тройка, анализ, рассудочность, чинность!
Дымись кружевным, пенно-пламенным белым огнем!
Зачем? Беззачемно! Мне сердце пьянит

беспричинность!

Корабль отплывает куда-то. Я буду на нем!

Один из таких «рейсов без цели» привел Игоря Северянина к актрисе Марии Домбровской (Волнянской). Она была гражданской женой поэта в течение шести с половиной лет. В одном из писем к Георгию Шенгели Северянин писал: «В 1921 г. умерла мама моя. В том же году я расстался — наконец — с М[арией] В[асильевной]. И это было предначертано, как Вам, думается, известно. Теперь она где-то в СССР...»

Предначертано? Об этом Северянин писал в «Поэзе странностей жизни»:

Встречаются, чтоб разлучаться...
Влюбляются, чтоб разлюбить...
Мне хочется расхотаться
И разрыдаться — и не жить!..

Всплеск эмоций, повышенная рефлексия лишь в стихах. В жизни у Северянина все спокойнее, добропорядочнее и меланхоличней. Характерную картинку его быта рисует Давид Бурлюк:

«Северянин в продолжение десяти лет, а может, и больше, жил на Подьяческой: это недалеко от центра, а вместе с тем места здесь пахнут захолустно, домишки в два ряда, не более в три этажа, крашенные в желтый екатерининский цвет, квартирные хозяйки — какие-то немки из романа Достоевского, золотой крендель висит у ворот, а в окнах нижнего этажа цветет герань. Вход в квартиру со двора, каменная лестница с выбитыми ступенями — попадаешь прямо в кухню, где пар от стирки и пахнет жареным, и пожилая полная женщина, темный с цветочками капот, проводит по коридору в кабинет Игоря Васильевича. Если вы помните гравюру

художника Наумова «Предсмертный обыск у Белинского», то комната, изображенная художником, напоминает кабинет Северянина.

Один или два шкафа с книгами, не то кушетка, не то кровать, на столе, кроме чернильницы и нескольких листов бумаги, нет ничего, а над ним висит в раме под стеклом прекрасный, схожий с оригиналом набросок углем и чернилами работы Владимира Маяковского, изображающий Игоря Северянина...»

Обратите внимание: и никаких «ананасов в шампанском»!

Далее Бурлюк отмечает: «У Северянина хороши поза и манера держать себя; он умеет обольстительно ничего не делать, в нем всегда чувствуется скрытое внутреннее «парение», всегда готовое перейти в творчество... Северянин в разговоре разочаровывает: он говорит неинтересно, как вправе от него ожидать по его стихам, и Северянин чувствует это. Он любит декламировать стихи...»

Таким был Игорь Северянин в петербургский свой период.

Фелисса и Вера

С 8 января 1918 года поэт постоянно живет на берегу Финского залива, в местечке Тойла. Там, в Эстонии, он встретил еще одну женщину. В письме к Шенгели Северянин пишет: «В 1921 г. женился на эстонке. Ее зовут Фелиссой, ей 25 лет теперь, у нас пятилетний мальчик — Вахх. Она пишет стихи и по-эстонски, и по-русски, целодневно читает, выискивая полные собрания каждого писателя. Она универсально начитана, у нее громадный вкус. Мы живем замкнуто, почти никого не видим, да и некого видеть здесь: отбросы эмиграции и рыбаки, далекие от искусства...» (12 сентября 1927).

Еще в одном письме к Шенгели: «...Мне отрадно, что Ваша спутница «интеллектуальна». Я могу то же сказать о своей. В наши дни, как это ни странно, — это редкостью. Нам надо ценить милость, нам ниспосланную. Беречь надо по-друг...» (22 декабря 1927).

Игорь Северянин и Фелисса Круут встретились на одном литературном вечере, где юная чтица поразила Северянина декламацией лирических отрывков из Гоголя на рус-

ском языке. Вскоре их стали видеть вместе в местном парке Ору, а 21 декабря 1921 года Северянин и Фелисса обвенчались в Тарту. 1 августа следующего года родился сын Вах.

Северянин на своем сборнике «Менестрель» делает дарственную надпись:

Моя Фелиссочка! Моя красавица!
Тебе, Любимая, мой «Менестрель».
Всему изысканному должна ты нравиться,
Моя Фелиссочка, — моя свирель!

Пускай для грубого ты только «высочка», —
Что мне до этого: ты мне любя!
Моя Таланточка! Моя Фелиссочка!
Моя Исконная! Моя Судьба!..

Интеллектуальная жена, «таланточка», поэтесса — это еще не гарантия прочного семейного счастья. Семейная жизнь как-то не заладилась. Брак распался, и надо было начинать все заново. А тут как раз появилась новая женщина, худенькая, маленькая, изящная, — Вера Борисовна Коренди, которая была младше поэта на 16 лет. Северянин называл ее Верляль (производное от Веры и Ляли).

Начало их отношений оказалось трудным. Были сомнения, что из их союза что-нибудь получится. Северянин писал Вере Коренди:

Не могу я жить, тебя печалю:
Не вместит греха такого грудь.
Откажись, пока не поздно, Ляля,
От меня. Забудь меня, забудь.

Ляля не отказалась, рассудив здраво, что сама встреча с Игорем Северяниным — уже удача, выигрыш в лотерее жизни. Они стали жить вместе. Жили трудно (Северянин ничего не умел делать — только писать стихи да ловить рыбу). Но надежды на счастливую перемену судьбы не оставляли поэта. Своей Ляле-Вере он писал:

О, девочка, постой, повремени:
Еще настанут радостные дни!

Как озера влекущая вода
Весной освободится ото льда,
Так мы избавимся от наших бед,
И будет нами жизни гимн пропет.
И скорбь уйдет из добрых глаз твоих,
И будет целый мир для нас двоих...

«Радостные дни» так и не настали. 22 января 1941 года Северянин писал в письме к Георгию Шенгели: «По моим шестилетним наблюдениям, глубоким и продуманным, состояние здоровья Верочки таково, что ей служить не следовало бы ни в каком случае; с нее совершенно достаточно и забот по хозяйству. Из этого вывод: я должен встать на ноги и продолжать, как и раньше, содержать и себя, и ее. Невыносимо видеть, как любимый человек, порядочный и бескорыстный, прямо убивает себя непосильной работой... Мучает Веру и то, что ее ребенок, девочка девяти лет от первого мужа, разлучена обстоятельствами с нею: в Пайде русских школ нет, а дочь учится в русской школе в Таллине и живет у бабушки...»

Где прежний Игорь Северянин, искрометный, легкий, динамичный? Тот, который пел «Поэзу счастья»:

Я не могу не радоваться маю,
И не воспеть его я не могу,
Когда тебя так пылко обнимаю
На благодатном этом берегу...

Эти строки были написаны в 1915 году. А через два года, в 1917-м...

Революция: свобода и насилие

Как и многие российские интеллигенты, в частности поэты Серебряного века (Блок, к примеру), Северянин негативно оценивал состояние общества: замашки горилл у знати, глупость простого народа, падение уровня культуры:

И люди пустились в эксцессы,
Какие не снились скотам.

Изнервленные поэтессы
Кривлялись юродиво там... —

писал он в «Поэзе упадка» (1918). Революция многим виделась как очищающая гроза: грязь вся будет сметена и расцветут цветы. Поэтому, когда свершилась Февральская революция, Северянин был в полном восторге:

И это — явь? Не сновиденье?
Не обольстительный обман?
Какое в жизни возрожденье!
Я плачу! Я свободой пьян!

Как? Неужели? Все, что в мыслях, —
Отныне и на языке?
Никто в Сибирь не смеет выслать?..
Не смеет утопить в реке?..

Поверить трудно: вдруг — все ложно?!
Трепещет страстной мукой стих...
Но невозможное — возможно
В стране возможностей больших!

(8 марта 1917)

Гениальная строка: «Но невозможное — возможно в стране возможностей больших!» Скоро эти «невозможности» дали о себе знать — разгулом террора, насилием, новым варварством.

Сегодня «красные», а завтра «белые» —
Ах, не материи! ах, не цветы! —
Людишки гнусные и озверелые,
Мне надоевшие до тошноты...

Да, другие песни запел Северянин. Мимолетная эйфория от свободы улетучилась, и встал сакраментальный вопрос:

С ума сойти — решить задачу:
Свобода это иль мятеж?
Казалось, все сулит удачу, —
И вот теперь удача где ж?

Простор лазоревых теорий,
И практика — мрачней могил...
Какая ширь была во взоре!
Как стебель рос! и стебель сгнил...

Как знать: отсталость ли европья?
Передовитость россиян?
Натура ль русская — холопья?
Сплошной кошмар. Сплошной туман...

Для Северянина стало ясно: грядет Антихрист!.. В этом смысле его Бог миловал: он жил уже не в Петрограде, в центре революционных потрясений, а на отшибе, в эстонском захолустье. Он добывал на пропитание горькую эмигрантскую корку, и скоро политика совсем ушла из его стихов — было не до политики.

«Мы здесь теряем представление о «нежности изабеллы» и не видим «ореховых садов», — пишет Северянин Георгию Шенгели из Тойлы 10 марта 1928 года. — Нежность парного молока, шорохи сосен — вот удел наш. Во всем надо находить очарование, — ибо оно повсюду. Жить же не очаровываясь (хотя бы иллюзиями) поэт не может, человеку не рекомендуется».

Эмиграция: нужда и ностальгия

В январе 1918 года Северянин покинул голодный, холодный и опасный Петроград, и с этого дня началась его жизнь на чужбине, хотя эта чужбина, эстонская Тойла, ему была знакома еще с предреволюционных времен. Когда в 1930 году его назвали эмигрантом, Северянин обиделся и гордо сказал:

— Прежде всего, я не эмигрант и не беженец. Я просто дачник. С 1918 года. В 1921 году принял эстонское гражданство. Всегда был вне политики... У меня даже стихи есть: «Долой политику — сатанье наваждение!»

Итак, дачник. И вне политики. Жил в Эстонии. Несколько раз выезжал в Европу: Берлин, Париж, Югославия, Румыния, Польша, Болгария... Гастролировал с концертами. Читал стихи. Но уже без всякой былой звонкой славы. Писал и пе-

Эскиз портрета

читал стихи, и хотя они были хороши (на новом витке творчества), но прежнего оглушительного успеха не было. Наоборот, все шло тяжело и натужно. В письме к Шенгели от 17 января Северянин как бы подвел итоги:

«...Минутами я чувствую, что я не вынесу безработицы, что никогда не оправлюсь в этом климате, в этой комнате, вообще — в этих условиях. Душа тянется к живому труду, дающему право на культурный отдых. Последние силы исся-

кают в неопределенности, в сознании своей ненужности. А я мог бы, мне кажется, еще быть во многом полезным своей обновленной родине! И нельзя жить без музыки, без общения с тонкими и проникновенными людьми. А здесь — пустыня, непосильный труд подруги и наше общее угасание. Изю дня в день. Простите за этот вопль, за эти страшные строки: я давно хотел сказать (хоть сказать!) Вам это. Моя нечеловеческая бодрость, выдержка и жизнерадостность всегдашняя порою (и часто-часто) мне стали изменять. Я жажду труда, дающего свои деньги, и отдыха заслуженного, а не бессмысленного. Любящий Вас Игорь».

Крик души. Но еще в апреле 1920-го Северянин написал свою «Поэзу отчаянья»:

Я ничего не знаю, я ни во что не верю,
Больше не вижу в жизни светлых ее сторон...

Северянин изверился, потому что жизнь круто переменялась. В том, старом Петербурге он был кумиром толпы. На его поэзоконцертах женщины млели от восторга. И все это кануло, ушло в прошлое. В ноябре 1924 года он выступил в Риге — и что? Рижская газета «Народная мысль» высмеяла поэта сначала в язвительной рецензии, а потом в сатирических стихах:

Очень гордо, в вестончике черном,
Он вчера на эстраду взошел,
Ввысь уставился взглядом упорным
И пошел... и пошел... и пошел...
Пел о том, что, увы, на Камчатке
Нет культуры и даже в зачатке,
Что, по мнению одной шансонетки,
Неприемлем биплан без кушетки,
Что поэту порой у бассейна
Воды грезятся, мнутся кисейно...
И так далее — чушь extra fin,
И затем, et puis, et enfin:
Что он птичка и вне всяких критик —
Он единственно-приторный нытик,
Величайший в сем мире поэт,
Каких не было раньше и нет...

Что ж, отчасти верно. «Северянинщина» устарела. Вышла из моды. Но Северянин стал со временем принципиально иным поэтом — более сдержанным, более сердечным, более размышляющим, более человечным. Однако именно такого Северянина читающая публика не желала приветствовать. Старый Северянин с сиренями и ноктюрнами уже не прельщал. Новый — с тоскою в сердце и со слезой на глазах — был толпе не нужен.

Что оставалось?

Сам от себя — в былые дни позера,
Любившего услад дешевый хмель, —
Я ухожу раз в месяц на озера,
Туда, туда — «за тридевять земель»...

Так пишет Северянин в стихотворении «Вода примиряющая» (сентябрь 1926).

...Люблю сидеть над озером часами,
Следя за ворожащим поплавком,
За опрокинутыми в глубь лесами
И кувыркающимся ветерком...

И концовка стихотворения, полная боли и беды:

Так как же мне от горя и позора
К ненужью вынуждающей нужды
Не уходить на отдых на озера,
К смиренности примиряющей воды?..

Некогда яркая, широкая и громокипящая жизнь Северянина в те эмигрантские годы свелась к простоте и незатейливости: летом — природа и рыбная ловля, превратившаяся в страсть, любимейшая книга — Аксаков «Об ужении рыбы», голубая лодочка «Ингрид», а зимой — снег выше окон, лыжи, стихи, творчество и перечитывание классиков...

Здоровый образ жизни — скажет кто-то из читателей. Так-то оно так. Но ведь еще и кушать надо... А безденежье — постоянная петля на шее поэта. Хорошо, что нашлась добрая душа — Августа Баранова, которая любила стихи Северянина и помогала ему в течение ряда лет, была для Северянина как Надежда фон Мекк для Чайковского. Августа жила в Швеции, работала в Стокгольмском отделении Российской железнодорожной миссии. Туда в Стокгольм и летели письма-просьбы-исповеди Игоря Северянина:

«Если бы Вы, дорогая Августа Дмитриевна, выручили меня, я с такой нежной благодарностью приветствовал бы Вашу сердечность!»

«Все та же нужда, вопиющая, ужасающая, тем более мрачная, что мать жены совсем измучилась с ведением хозяйства, не получая от меня никаких подкреплений. Сидим буквально на одном картофеле и хлебе с чаем... Если бы Вы жертвовали ежемесячно, только до осени, когда-то прославленному, ныне душимому нуждой русскому лирику по 30 крон, он благословлял бы Вас...»

Неловко просить? Это, конечно, Северянин понимает и от неловкости начинает кокетничать в духе себя прежнего, молодого: «...Вы исполните мою просьбу? Правда? Ну пожалуйста, я очень-очень хочу этого. Ах, Августа Дмитриевна, ведь я как ребенок! Неужели Вы не чувствуете, не видите этого? Так что же Вам, доброй и мудрой, стоит побаловать ребенка?»

В другом письме: «...А я буду и малому рад: много ли мне, соловью, нужно?»

И вновь:

«Я так устал, мой друг, от вечной нужды, так страшно из-

немог, так изверился в значении Искусства, что, верите или нет, нет больше (по крайней мере теперь пока) ни малейшего желания что-либо писать вновь и даже ценить написанное. Люди так бесчеловечны, так людоедны, они такие животные, говоря с грустной — щемящей сердце — откровенностью. Так не нужны они мне, так несносны, не меньше, о, не меньше, чем я — им! Не сумели ценить и беречь своего соловья...»

По какой-то странной ассоциации мне пришли на память ранние строки Игоря Северянина «Ты ко мне не вернешься...», написанные в далеком 1910 году:

О живых ни полслова у могильной плиты!
Ты ко мне не вернешься: грезы больше
не маги, —
Я умру одиноким, понимаешь ли ты?!

Эти строки в свое время были посвящены женщине по имени Злата. Но их можно прочесть и иначе — как обращение к славе, которая отвернулась и покинула поэта.

Баранова и другие доброхоты предлагали ему служить где-нибудь, чтобы защитить себя и семью от нужды, но гордый Северянин — он же соловей поэзии! — отвергал их совет с негодованием: «Всю жизнь я прожил свободным, и лучше мне в нищете погибнуть, чем своей свободы лишиться».

Это был его выбор.

Помимо безденежья, Северянина мучила и ностальгия по России, хотя он и возглашал: «Эстония, страна моя вторая» и время от времени сочинял в ее честь гимны:

И вся ты подобна невесте,
И вся ты подобна мечте,
Эстония, милая Эсти,
Оазис в житейской тщете!

И все же он не мог забыть Россию, забыть своих старых друзей: Маяковского, Сологуба, Брюсова, Собинова. Уход из жизни каждого из них он болезненно переживал. В 1924 году Северянин пишет надрывное стихотворение «Моя Россия», начинающееся словами:

Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!..

Вдали от родины все ему кажется в ней романтически-приподнятым: «И эти земли неземные, и эти бунты удалые...» Он готов простить все. И хотел вернуться на первую свою родину, но помешала война. Возвращение представлялось ему как праздник «большой, большой». Его преследовали видения:

В ней и убогое богато,
Полны значенья пустячки:
Княгиня старая с Арбата
Читает Фета сквозь очки...

И все же судьба была милосердна к Северянину — в том, что он не вернулся в Россию. Какая княгиня с Арбата? Она давно гнила в ГУЛАГе. И кто читал Фета в Советской стране, в которой, по выражению бывшего друга Володи, «к штыку приравняли перо»? Да и кому был нужен в СССР Северянин? Возможно, только как кратковременная пропагандистская акция: Куприн вернулся, а вот и Северянин. А потом о нем бы напрочь забыли. В лучшем случае. Но это все предположения...

Финал жизни

Нас, избранных, все меньше с каждым днем:
Умолкнул Блок, не слышно Гумилева...

И. Северянин, 1924

О последнем годе поэта можно судить по его письмам к Георгию Шенгели:

«Дорогой Георгий Аркадьевич! Я решил приналечь на работу... Мицкевича послал 31 января и трепещу за участь переводов: слишком многое с этим связано. И В. Б., и я совсем расхворались на своем чердаке: у нее бронхит, у меня кашель, насморк, бессонница, и сердце таково, что ведра поднять не могу: задыхаюсь буквально...» (6 февраля 1941).

«...О своем здоровье утешительного ничего сообщить не сумею: колики в сердце, одышка, ночные ежедневные поты, отчаянье от безработицы и невыясненности положения и от ужаса перед необходимостью сидеть в пайдеском болоте. О,

если бы я смог, пока жив, получить наконец более-менее постоянную переводную работу из Москвы!..» (24 февраля 1941).

«...Сердце — сплошная рана. Кашель, вызывающий рвоту. Куда я годен? На слом!..» (7 марта 1941).

В том же письме Северянин пишет о своих минимальных потребностях: «...Я привык жить совершенно самостоятельно, дорогой друг. Корку хлеба с солью и крепкий чай — да дома у себя. Характер у меня очень трудный и замысловатый. Постоянное общение с людьми меня сразило бы...»

И все же Северянин надеялся на то, что его стихи напечатают в Советской России. При этом он нещадно бичевал себя:

«При старом режиме писатель часто терял чувство внутренней дисциплины, похабно разволивал себя и впадал нередко в непереносимую пошлость и темы, и трактовки ее, и даже стиля. У советского же писателя есть целомудрие, благородство и отрадная скупость в словах и выражениях. Я надеюсь, что со временем освою все это в совершенстве: я ведь, в сущности, не «балаболка», и в сущности моей много глубинного...» (20 марта 1941).

У «советского писателя»! Еще одно заблуждение Северянина. Что он знал о советских писателях? Он не мог и предположить, что им уготовано петь лишь в общем политическом хоре, а все те, кто выбивается из хора, поет не в тон, да, упаси Господи, ежели к тому же талантлив, то ему приходится, мягко говоря, туго — достаточно вспомнить судьбу Осипа Мандельштама. У Северянина было превратное мнение и о новых литературных хозяевах. Ему и Андрей Жданов казался «отзывчивым к сердечным человеком».

А тем временем здоровье поэта катастрофически ухудшалось. «25 мая в 4 ч. утра со мной произошел сердечный припадок, — пишет он в письме к Шенгели. — Верочке пришлось вызвать врача... Велел лежать 12 дней, экономя движенья. Мне чуточку лучше... И все-таки Вера хочет вызвать на днях европейское светило — проф. Пуссепа, приехавшего на свою дачу. Вещи, правда, продаем полным ходом, но хватит ли их на светил — не знаю... Переводы с туркменского мне запрещены, как и вообще чтение и письмо. Но я не слушаюсь, иначе с голода помрем: продавать вскоре нечего будет. Работа, конечно, очень трудная и нудная, но она может дать деньги, и я энергично (понемногу!) работаю. Те-

перь взялся за «Серго». Вы, со своей стороны, будьте строги и решительны: исправляйте все, что надо» (15 июня 1941).

«Серго» — это кто? Пламенный большевик Орджоникидзе? До чего же пал Игорь Северянин! Вот уж воистину: «Мы живем, точно в сне неразгаданном...» А переводы с туркменского! Туркменская поэзия и Северянин — это конец света!..

В том же письме от 15 июня, почти за полгода до смерти, Северянин восклицает: «...О, если бы хоть что-нибудь взяли куда-нибудь: невыразимо трудно болеть в безденежье!..»

Брали скупое. Сонет о Чайковском «забраковали по понятным причинам: нытье». Еще бы! В нем была такая строка: «Безумье. Боль. Неврастения. Жуть». Это явно противоречило бодрому и светлому настрою советской литературы. Какая боль? Какая неврастения? Художник обязан декларировать личную радость и верность властям. Увы, Северянин этому обучен не был.

На оставшиеся полгода жизни пришлось война. Поэт оказался в занятом фашистскими войсками Таллинне. Больной, нищий русский поэт. Умер он 20 декабря, в возрасте 54 лет.

Задолго до смерти 23-летний Северянин написал стихотворение «Мои похороны»: «Меня положат в гроб фарфоровый...» Не угадал. «Все будет весело и солнечно...» Все было хмуро, морозно и горько. Проводить умершего пришли две женщины: Вера Коренди и Фелисса Круут.

Игорь Северянин в свете литературных юпитеров

Пора подводить итоги. Кем был этот наивный лирик и безудержный фантазер? Один из советских критиков почвеннического толка брякнул: «Русская поэзия до сих пор не знает, как ей быть с Северяниным». А почему не знает? Все четко: Северянин — один из поэтов Серебряного века. Века противоречивого, пестрого и безумно интересного. И сколько бы противники поэта ни пускали в него стрел («Это был маленький мещанский Уайльд, певец шикарной жизни в современном городе», — как определил Борис Хазанов) — от критики Игоря Северянина не убудет. Он был. Он есть. Он навсегда останется интересным поэтом для истинных любителей лирики.

Почти любая его строчка музыкально запоминающаяся: «Люблю лимонное в лиловом...» Его изыски в рифмовке, певучие аллитерации, построение строк, их необычная ритмика — все является вкладом в русскую поэзию XX века.

Жаль, что не все написанное им известно. Многие хранятся в архивах. Не опубликован его труд «Теория версификации». Но все равно, даже того, что есть, вполне достаточно для пропуска в пантеон поэтической славы.

Ну а что касается Игоря Северянина как человека... Один из стихотворных медальонов поэт посвятил самому себе. Вот его авторская презентация:

Он тем хорош, что он совсем не то,
Что думает о нем толпа пустая,
Стихов принципиально не читая,
Раз нет в них ананасов и авто.

Фокстрот, кинематограф и лото —
Вот, вот куда людская мчится стая!
А между тем душа его простая,
Как день весны! Но это знает кто?

Благословляя мир, проклятье войнам
Он шлет в стихе, признания достойном,
Слегка скорбя, подчас слегка шутя
Над всею первенствующей планетой...

Он — в каждой песне, им от сердца спетой,
Иронизирующее дитя.

(1926)

Как правило, самооценки бывают неверны, ошибочны. Но эта... Иронизирующее дитя. Любопытный и пряткий ребенок. Соловей русской поэзии. И Северянин отнюдь не виноват, что творимую им «чаруйную поэму» жизнь «превратила в жалкий бред». Поэт хотел как лучше...